

Святослав Иванович Григорьев
доктор социологических наук, профессор,
член-корреспондент РАО, декан,
факультет социального управления,
Горно-Алтайский государственный университет
(Горно-Алтайск, Россия), e-mail: guslyakova@mail.ru

Виталистская социология быдлоизации – основа научного обеспечения преодоления кризисного развития современного российского общества¹

В настоящей публикации представлены основные выводы виталистской социологии о развитии такого явления социальной жизни и массового сознания населения современной России, как «быдлоизация» значительной его части. В социологическом витализме это представляется как развитие специальной среднеуровневой социологической теории, отражающей социально значимую тенденцию эволюции современного российского общества, имеющую аналоги в современном мировом социальном и духовно-культурном развитии. Методологической основой анализа рассматриваемой в статье проблемы выступает культурвиталистская модель социологии жизненных сил человека и общества, её базовый исследовательский метод как принцип соответствия жизненных сил и жизненного пространства бытия людей в определённых социально-исторических, социокультурных условиях. На этой основе получены результаты оценки особенностей быдлоизации населения СССР и современной России, обозначена их взаимосвязанность, ряд общих оснований, связанных с разрушением преемственного социокультурного развития населения Российской Федерации, вульгарным революционаризмом и экономоцентризмом. Представленные выводы могут быть использованы учреждениями социальной сферы и производства, а также управления и образовательно-просветительской деятельности.

Ключевые слова: социальная культура, обыденное сознание, социокультурная дифференциация общества, быдлоизация образа жизни населения, быдлоизация массового сознания населения, социология быдлоизации, быдлоизация личности, социальное здоровье, социальные болезни, социальные девиации, социальная эффективность, социальное партнёрство, непрерывное образование.

Svyatoslav Ivanovich Grigor'ev
Doctor of Sociology, Professor,
Corresponding Member, Russian Academy of Education,
Gorno-Altai State University,
Faculty of Social Management Dean
(Gorno-Altai, Russia), e-mail: guslyakova@mail.ru

Vitalist Sociology of Bydloizatsiya as the Basis of Scientific Support for Overcoming the Crisis in Contemporary Russian Society

This article presents the main results of a vitalist sociological research regarding the spread of 'bydloizatsiya', a current phenomenon in the mass consciousness and social life of Russia. The selected approach represents the development of a special midrange sociological theory, reflecting a socially important trend in the evolution of Russian society and having analogies in social, spiritual and cultural processes in the modern world. The basic research methodology is a cultural-vitalist model of sociology of vitality of man and society which proposes the research principle of correspondence between vital forces and people's living space in certain socio-historical and socio-cultural conditions. This model infers the estimates of the peculiarities of population bydloizatsiya both in the USSR and in modern Russia, the interconnection of these processes and their common features related to the disruption of the successive social and cultural life in the Russian Federation, vulgar revolutionism and economocentrism. The findings may be useful for social institutions, spheres of production, management and education.

Keywords: social culture, everyday consciousness, socio-cultural differentiation, bydloizatsiya of people's lifestyle, bydloizatsiya of mass consciousness, sociology of bydloizatsiya, bydloizatsiya of personality, social health, social diseases, social deviations, social efficiency, social partnership, continuing education.

¹Статья выполнена в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы» по теме «Качество жизни как основа обеспечения социальной безопасности России в XXI веке».

Социология жизненных сил человека и общества особенно значимой стала в современной России, где в 1990-е гг. произошла вновь смена типа общественного развития, возврат к традиционному потребительскому стихийно-эксплуататорскому обществу. Это не могло не оказать серьёзного влияния на качество общественного и личностного развития, безопасность жизни людей, преемственность их социокультурного развития.

Особая *актуальность* означенной проблематики в развитии населения, современного общества в России, её аналогов в других странах с учётом специфики их современной социокультурной и общественно-исторической эволюции в главном определяется следующими причинами:

– во-первых, тем, что усложнение, рост разнообразия основ социальной дифференциации, увеличения её масштабов и в социальной практике, в характере доминирующих форм жизнедеятельности, образе жизни, и в массовом, обыденном сознании, а также в научном, элитном осмыслении данной проблематики создали к рубежу XX–XXI вв. во многом принципиально иную ситуацию;

– во-вторых, констатируем и тот факт, что данная проблематика актуализирована ростом значимости массового понимания – непонимания (знания – незнания) тех глобальных и локальных рисков для жизни людей, что масштабно возросли и распространились в мире, в каждой отдельной стране во второй половине XX в. Это стало в начале нового XXI столетия ключевой проблематикой, о чём свидетельствует не только массовость лесных пожаров, но и масштабы техногенного загрязнения, информационного духовно-нравственного, психологического разложения людей, пользующихся Интернетом, участвующих в сетевых коммуникациях;

– в-третьих, что также очень важно отметить, ещё и тем, что осмысление этих новых явлений социального и социокультурного, духовно-нравственного, семейно-бытового развития было масштабно изменено случившейся в последней трети XX в. глобальной информационно-коммуникационной революцией, обусловившей во многом новое сочетание глобального, национального и регионального, а также социально-исторического, социогенетического и актуально- сетевого, повседневно-прагматического;

– в-четвёртых, нельзя не сказать и о том, что возникшее в последней трети XX в. новое сочетание основных сфер общественного сознания (мифологии, религии, идеологии, морали, искусства, науки, философии, обыденного сознания людей) и взаимодействия в новой социально-исторической и информационной среде породило иные формы воспроизводства и использования не только научно-образовательных, управленческих политико-идеологических практик, но и эволюции массового, обыденного сознания, его использования политическими и финансово-экономическими элитами, корпоративными центрами управления, общественными организациями «третьего сектора»;

– в-пятых, отмеченные новые явления и процессы не могли не усложнить развитие современного социологического знания, не повысить его внимание к проблематике формирования и сохранения жизненных сил человека и общества за счёт оптимизации развития социальной культуры. Не случайно культурвитализм в развитии виталистской социологии и в близких ей социологических парадигмах оказался по существу к началу XXI в. в центре внимания конструктивно работающих элит современного социологического сообщества. При этом показательно и то, что в качестве главных противников, оппонентов ему выступают сторонники постмодернизма, кто готов похоронить сегодня не только социологию, но и другие социальные и гуманитарные науки, а также и человечество в целом ...

Означенная проблематика в России масштабно обострена ещё и тем, что страна в результате вульгарно-либерально-рыночных реформ 1990-х гг. оказалась отброшенной в своё и мировое социально-историческое прошлое, в эпоху первоначального капиталистического накопления, «дикого рынка», в социальную ситуацию зависимости от лидеров стран «золотого миллиарда», представляющих интересы мировых элит – сторонников традиционного потребительского стихийно-эксплуататорского общества, обречённого на трансформацию в XXI столетии в общество цивилизации управляемой социоприродной эволюции, ноосферный социализм, основанный на единении Разума и Духовности, социальной эффективности развития общества, государства и человека, производственных корпораций и общественных организаций «третьего сектора», гражданского общества.

Социология быдлоизации как специальная среднеуровневая теория социологического витализма, в соответствии с современным определением его объекта, предмета и базового исследовательского метода, а также основных, ключевых понятий [4; 5; 19–21], изучает процессы и явления быдлоизации¹ образа жизни человека и общества, населения определённой страны и мирового человеческого сообщества в целом, его жизненных сил и жизненного пространства бытия, массового, обыденного сознания и социокультурного развития людей. В отечественной и зарубежной социологии данные явления и процессы наиболее часто рассматриваются в социологии массового сознания [6; 8; 13; 15; 17; 26], которое характеризуется обычно как «усреднённое сознание», не включающее в себя достижения, выводы, взгляды творчески мыслящих индивидов, их сообществ. В этой связи оно представляется чаще как «отражение “массовыми общностями” различных сторон социальной реальности», как сознание толпы, охлократических сообществ. При этом «охлократия» представляется традиционно как власть толпы или тех социально-политических сил, которые ориентируются на неё, выдвигая, как правило, иррациональные, неосуществимые или упрощённые, обыденные требования и лозунги [16].

Всё это обычно связывается с развитостью и аномалиями развития *социальной культуры* человека и общества, распространением *социальных рисков*, проблематикой рисков в целом [1; 3; 12; 14; 30]. Данная тематика породила во второй половине XX в. целый ряд новых направлений развития социологии, социологических парадигм, которые, как и виталистская социология, отражают не только рост актуальных рисков для жизни людей, но и преемственность их осмысления, начиная с древности [1; 3; 12; 14; 18; 28; 30].

Так, в общественной мысли, в философском знании Античности и Средневековья, например, риски рассматривались как опасности и случайности, ниспосланные Богом, нечто неопределённое, имеющее сакральное происхождение. В России мы видим это в древнерусской

¹Быдло – понятие обыденного сознания в современном русском языке, отражающее развитие обыденных форм поведения, массового сознания, характерных для толпы, характеризующихся снижением уровня социальной культуры населения, человека и общества. В западной социологии XX в. наиболее полно раскрыто при анализе процессов и явлений «охлократии», в современных российских публикациях, представляющих это направление исследований [6–9].

литературе, в её светских и религиозных произведениях, в летописях. Позднее это наблюдается и в основных социологических парадигмах, в произведениях их выдающихся представителей, основателей. У М. Вебера понятие «риск» получает широкое и основательное осмысление в условиях становления капитализма и используется, как правило, в трёх смыслах: а) для обозначения случайности в мореходстве; б) для рассмотрения коммерческих проектов, связанных с опасностями их реализации, финансовой, экономической неэффективности; в) для оценки опасностей в связи с распространением слухов [17].

В творчестве Ф. Найта риск исследуется и рассматривается в контексте определения типа неопределённости, что может привести к неблагоприятным последствиям, которые можно измерить с помощью математических и статистических методов, что в условиях информатизации, информационно-коммуникационной революции (точнее – революций) второй половины XX в. приобрело огромное распространение, а также значительное разнообразие и массовую стандартизацию [14, с. 7–8].

Характеризуемое развитие событий не могло не породить ряд прямо противоположных тенденций. Так, например, такие известные социологи, как У. Бек, Н. Луман, М. Дуглас и другие последовательно проводят в последней трети XX в. обоснования того, что далеко не все риски (политические, экологические, медико-биологические, технологические и др.) можно представить, выразить с помощью математического инструментария. Они обосновали целесообразность культурного измерения, сохранения экспертных оценок. В данном плане понимание рисков было ещё более дифференцировано: у Н. Лумана это «то, что может произойти в будущем, зависящее от решения, которое следует принять в настоящем». По методологии М. Фуко, как известно, риск характеризуется как «определённый дискурс, основу которого составляют идеи неопределённости в связи с возможностью перехода к гавернментальности как новому типу управления, предполагающему сетевые формы безопасности и саморефлексию акторов». У М. Дугласа риск – это социально, культурно и политически сконструированный смысл внешнего мира, включающий представления об опасности и неопределённости: риск – «не вещь, а способ мышления». Согласно выводам У. Бека, риск – это

системное производство явных и латентных опасностей для человечества, обусловленное процессом «рефлексивного модерна», особенно – высокой индустриализации и функциональной дифференциации. Это «ненамеренные последствия как результат ненамеренных изменений в институтах». При этом риск, полагает У. Бек, культурно воспринимается и определяется как риск и (общественное) определение риска, что он является одним и тем же, это гибрид, созданный человеком. Новые типы рисков являются одновременно глоболокальными, сочетающими реальность и её восприятие, определение, конструирование... [1; 12].

В концепции Э. Гидденса риск – это «рукотворная неопределённость как результат человеческой интервенции в условия социальной жизни, а также в природу, политическими последствиями которой стало то, что либеральная демократия «не отвечает требованиям рефлексивной гражданственности в глобализирующемся мире». В свою очередь, Я. Кулпит характеризует риск как «нечто выбираемое и нечто навязанное», что активизирует сознание и в то же время угрожает ему, делает его рефлексивным [3, с. 14].

Один из известных у нас в стране и за рубежом российских социологов С. А. Кравченко связывает риски с возникновением неопределённости, основанной на дихотомии реальной действительности и возможности: как вероятности наступления объективно неблагоприятного последствия для социальных акторов (индивидуальных или коллективных), а также вероятности обретения выгод и благ, что субъективно воспринимается акторами в контексте определённых ценностных координат, на основании чего осуществляется выбор альтернативы действия. В инвайронментальной социологии О. Н. Яницкого социология риска связывается по преимуществу с социоэкологией, что органично сочетается с разработками сторонников «движения зелёных» [1; 3; 12; 14; 18; 28; 30].

Виталистская социология, интегрируя означенные подходы к изучению рисков, формирует целостную концепцию анализа качества жизни человека и общества [11], их безопасности и социальной культуры, а также аномалий бытия, социального, психического и физического здоровья, что так или иначе связано с эволюцией жизненных сил человека и общества, пространства их бытия, характера социальной дифференциации и культурного уровня разных групп населения. В этой связи

особое значение имеют, с одной стороны, исследования динамики и масштабов социального положения и роли, уровня и качества жизни различных групп населения [7; 10; 22–24], а с другой – те, что посвящены анализу проблем развития массового сознания населения, манипуляций с ним [2; 9; 27]. Это формирует две основные группы факторов и условий, которые выделяет виталистская социология в анализе процессов и явлений эволюции быдлоизации человека и общества: во-первых, те из них, что связаны с эволюцией *социального положения и роли, активности и субъектности* различных социальных групп населения, их представителей. При этом учитываются детерминанты природного и культурного характера, субъектного и пространственно-бытийного. Во-вторых, речь идёт о механизмах управления массовым, обыденным сознанием, эволюцией интеллекта и ценностных ориентаций, смыслов жизни и представлений населения о справедливости.

В основе определения *критериев «быдлоизации» человека и общества* в социологическом витализме с учётом характера его объекта и предмета мы видим *основные смысложизненные ориентации людей*, отдельных лиц и их социальных групп, обладающих специфическим мировоззрением и образом жизни, социальным положением и ролью в обществе. Главным фактором и условием *«быдлоизации»* жизни человека в этой связи рассматривается его *отторжение от социально значимых форм и смыслов жизни*, эгоизация в контексте приоритетов потребительства, эконоцентризма и вульгарно-рыночного прагматизма. Преодоление «быдлоизации» в этой связи ориентируется на формирование таких ценностей и смыслов жизни человека, которые связаны с приоритетами служения людям, семье, государству и обществу, развитию своей социальной культуры, основ справедливости, защиты жизни, её социокультурной безопасности. При этом ставятся задачи плодотворного участия каждого человека во всех основных сферах развития общества: в экономике, в политике, социально-бытовом и духовно-культурном развитии, в совершенствовании социально-экологического пространства. На этом фоне обеспечивается выход из сферы доминирующих приоритетов потребительства и гедонизма, эконоцентризма и вульгарно-рыночного прагматизма, преодоления идеологем традиционного потребительского стихийно-эксплуататорского общества.

Стратегически социологический витализм ориентирует человека на его развитие как *субъекта всей системы общественных отношений*, всех основных сфер жизни общества. И это при всём том, что *развитость этой субъектности* может и должна быть по целому ряду объективных причин природного и социокультурного характера у каждого человека чаще различной (и по масштабам, и по приоритетам, и по формам выражения).

Такая постановка проблемы и видение процессов «быдлоизации» человека и общества позволяют видеть, констатировать и профилировать не только *эгоистический* уклон в развитии этих процессов, но и *вульгарно-социально-массовый*. Вульгарно-социализированные человек, сообщества людей в этой связи являют собой ещё одно направление «быдлоизации», порождаемое грубо-административным обобществлением бытия людей, развитием их сотрудничества.

Основным условием предупреждения и преодоления означенных направлений «быдлоизации» социологический витализм видит в поиске оптимального сочетания личного и общественного в жизни человека, в развитии социума, различных народов и государств. При этом национальные культуры, социокультурный потенциал этих народов и государств, их жизненное пространство, ресурсы жизнеобеспечения определяют специфику поисков и пропорций таких сочетаний с учётом процессов глобализации, унификации, стандартизации социальной жизни. Анализ данной проблематики в современном российском обществе с позиций социологического витализма ориентирует нас в этой связи видеть и ещё один очень важный аспект проблемы – оценку влияния на развитие жизненных сил современного человека и общества, сочетание в нём революционного и эволюционного, инновационного, трансформационного и социально-исторического, социогенетического. Актуально стоит вопрос о сохранении преемственного, *органичного социокультурного развития* общества и человека как основы профилактики их «быдлоизации», деградации, аномального развития, обострения проблем социального здоровья.

История России в XX в. убедительно показала, что чрезмерная увлечённость революционаризмом, а также инновациями, модернизацией «любой ценой» создаёт угрозу для

жизни наций, народов, государств, отдельных людей, их сообществ. На этом фоне проявляют себя обе из означенных выше тенденций «быдлоизации» населения, когда оно становится жертвой манипуляций массовым обыденным сознанием: и вульгарная эгоизация, и административно-силовая социализация, идеологемы вульгарно-рыночного прагматизма и административного социализма, объединённые потребительством, основанным, в одном случае, на приоритетах прибыли, рынка и предпринимательства, частной собственности, а в другом – государственного патернализма и доминирующего обобществления.

Обыденное сознание населения СССР – России в XX в. испытало влияние и социальных, объективных, и технологически манипуляционных факторов и условий, формировавших опережающими темпами и масштабами оба указанных направления «быдлоизации» населения, что не могло не создать их противоречивого сочетания к началу XXI в. Возникла новая ситуация взаимодействия, сочетания идеологем, формирующих быдлоизированное общество и человека парадоксального типа, сочетающего тенденции эгоистической и коллективистской быдлоизации. Опасность и разрушительный характер такой быдлоизации в полной мере ещё не получили достоверной оценки ни в науке, ни в политическом и социальном, а также экономическом и эколого-демографическом управлении. Между тем, оно оказывает серьёзное влияние на массовость распространения физических, психических и социальных болезней, суицида, пассивности и агрессивности отдельных слоёв быдлоизированного населения современной России.

Экспертиза сложившейся ситуации и расчёты основных показателей «быдлоизации» населения на основе принятия им идеологем, представляющих основы односторонних капиталистических и социалистических ориентаций, их противоречивых сочетаний со всей определённой требуют новых подходов к осмыслению происходящего и прогнозированию будущего. Социологический витализм даёт возможность это делать. Но это следующий шаг в нашем исследовании, требующий специального рассмотрения, с последующим анализом качества и уровня жизни людей, человека и общества, безопасности их жизни, основных направлений социального прогресса, его эволюции в XXI в.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс – традиция, 2000.
2. Буравой М. Комментарий: за глобальную социологию низших слоёв // Социс. 2009. № 4.
3. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Thesis. 1994. № 5.
4. Григорьев С. И. Основы виталистской социологии XXI века. М.: Гардарики, 2007.
5. Григорьев С. И., Дёмина Л. Д., Растов Ю. Е. Жизненные силы человека. Барнаул, 1995.
6. Грушин Б. А. Массовое сознание. М., 1987.
7. Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодёжи. М.: Мысль, 2007.
8. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / ред. В. Э. Шляпентох, В. Н. Шубкин, В. А. Ядов. М., 1999.
9. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо-пресс, 2002.
10. Кравченко С. А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме: монография. М., 2009.
11. Лига М. Б. Качество жизни как основа обеспечения социальной безопасности. М.: Гардарики, 2006.
12. Луман Н. Понятие риска // Thesis. 1994. № 5.
13. Михайлов Ф. Т. Общественное сознание и самосознание индивида. М.: Наука, 1990.
14. Найт Ф. Понятия риска и неопределённости // Thesis. 1994. № 5.
15. Осипов Г. В. Социология и общество. Социологический анализ российской смуты. М.: Норма, 2007.
16. Охлократия // Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. II. М.: Мысль, 2003.
17. Охлократия: словарь новейшей социологической лексики / авт.-сост. С. А. Кравченко. М.: МГИМО – Университет, 2011.
18. Риск в социальном измерении / ред. А. Мозговая. М., 2001.
19. Словарь виталистской социологии / ред.-сост. С. И. Григорьев. М.: Гардарики, 2006.
20. Социология жизненных сил человека и общества: от метафоры к концепции / под ред. С. И. Григорьева, Л. Д. Дёминой. М.: Магистр-Пресс, 2000.
21. Социологический витализм: накопление методологического потенциала и технологических возможностей: материалы II Всерос. социол. конгресса / под ред. С. И. Григорьева. М.: Барнаул: Изд. РНИЦ, 2003.
22. Социальное положение и роль русских в современной России: материалы всерос. экспертного опроса / под ред. С. И. Григорьева. М.: Изд-во РГСУ, 2011.
23. Социальная эффективность реформ в России XX–XXI веков / ред. С. И. Григорьев. М.: Изд-во РГСУ, 2010.
24. Социальная квалиметрия, оценка качества и стандартизация социальных услуг: учеб. пособие / С. И. Григорьев, Л. Г. Гуслякова, Г. В. Говорухина [и др.]. М.: Алгоритм, 2011.
25. Ткач В. Х. Охлократия. Между Хутором и Майданом. М., 2008.
26. Тощенко Ж. Т. Общественное сознание и перестройка. М., 1990.
27. Тощенко Ж. Т., Романовский Н. В. Публичная или профессиональная публичная социология? // Социс. 2009. № 4.
28. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.
29. Цуладзе А. М. Политические манипуляции или покорение толпы. М., 1999.
30. Яницкий О. Н. Социология риска. М.: ZVS, 2003.

References

1. Bek U. Obshhestvo riska. Na puti k drugomu modernu. M.: Progress – tradicija, 2000.
2. Buravoj M. Kommentarij: za global'nuju sociologiju nizshih slojov // Socis. 2009. № 4.
3. Giddens Je. Sud'ba, risk i bezopasnost' // Thesis. 1994. № 5.
4. Grigor'ev S. I. Osnovy vitalistskoj sociologii XXI veka. M.: Gardariki, 2007.
5. Grigor'ev S. I., Djomina L. D., Rastov Ju. E. Zhiznennye sily cheloveka. Barnaul, 1995.
6. Grushin B. A. Massovoe soznanie. M., 1987.
7. Zubok Ju. A. Fenomen riska v sociologii. Opyt issledovaniya molodjozhi. M.: Mysl', 2007.
8. Katastroficheskoe soznanie v sovremennom mire v konce HH veka (po materialam mezhdunarodnyh issledovaniy) / red. V. Je. Shljapentoh, V. N. Shubkin, V. A. Jadov. M., 1999.
9. Kara-Murza S. G. Manipuljacija soznaniem. M.: Jeksmo-press, 2002.
10. Kravchenko S. A. Riski v nelinejnom globokal'nom sociume: monografija. M., 2009.
11. Liga M. B. Kachestvo zhizni kak osnova obespechenija social'noj bezopasnosti. M.: Gardariki, 2006.

12. Luman N. Ponjatje riska // Thesis. 1994. № 5.
13. Mihajlov F. T. Obshhestvennoe soznanie i samosoznanie individa. M.: Nauka, 1990.
14. Najt F. Ponjatija riska i neopredeljonnosti // Thesis. 1994. № 5.
15. Osipov G. V. Sociologija i obshhestvo. Sociologicheskij analiz rossijskoj smuty. M.: Norma, 2007.
16. Ohlokratija // Sociologicheskaja jenciklopedija: v 2 t. T. II. M.: Mysl', 2003.
17. Ohlokratija: slovar' novejshej sociologicheskoi leksiki / avt.-sost. S. A. Kravchenko. M.: MGIMO – Universitet, 2011.
18. Risk v social'nom izmerenii / red. A. Mozgovaja. M., 2001.
19. Slovar' vitalistskoj sociologii / red.-sost. S. I. Grigor'ev. M.: Gardariki, 2006.
20. Sociologija zhiznennyh sil cheloveka i obshhestva: ot metafory k koncepcii / pod red. S. I. Grigor'eva, L. D. Djominoj. M.: Magistr-Press, 2000.
21. Sociologicheskij vitalizm: nakoplenie metodologicheskogo potenciala i tehnologicheskikh vozmozhnostej: materialy II Vseros. sociol. kongressa / pod red. S. I. Grigor'eva. M.; Barnaul: Izd. RNC, 2003.
22. Social'noe polozhenie i rol' russkih v sovremennoj Rossii: materialy vseros. jekspertnogo oprosa / pod red. S. I. Grigor'eva. M.: Izd-vo RGSU, 2011.
23. Social'naja jeffektivnost' reform v Rossii XX–XXI vekov / red. S. I. Grigor'ev. M.: Izd-vo RGSU, 2010.
24. Social'naja kvalimetrija, ocenka kachestva i standartizacija social'nyh uslug: ucheb. posobie / S. I. Grigor'ev, L. G. Gusljakova, G. V. Govoruhina [i dr.]. M.: Algoritm, 2011.
25. Tkach V. H. Ohlokratija. Mezhdututorom i Majdanom. M., 2008.
26. Toshhenko Zh. T. Obshhestvennoe soznanie i perestrojka. M., 1990.
27. Toshhenko Zh. T., Romanovskij N. V. Publichnaja ili professional'naja publichnaja sociologija? // Socis. 2009. № 4.
28. Fuko M. Arheologija znanija. Kiev, 1996.
29. Culadze A. M. Politicheskie manipuljacii ili pokorenie tolpy. M., 1999.
30. Janickij O. N. Sociologija riska. M.: ZVS, 2003.

Статья поступила в редакцию 19 марта 2013 г.